

УДК 327

А. И. Оразбаева,
д.и.н., профессор, заместитель директора
Института дипломатии Академии
государственного управления при Президенте РК

ФЕНОМЕН ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ОБЩНОСТИ

Аннотация

В данной статье рассматриваются теоретико-методологические проблемы симбиоза кочевых и земледельческих культур определивших феномен центральноазиатской цивилизационной общности.

Ключевые слова: цивилизация, социокультурный процесс, симбиоз, центральноазиатская цивилизационная общность.

Аңдатпа

Аталмыш мақалада Орталық Азия өркениеттілік қауымдастығы бетбейнесінің қалыптасу үдерісіндегі отырықшы және көшпелі мәдениеттердің өзара ықпалдастығы феноменіміне талдау жасалған.

Тірек сөздер: өркениет, әлеуметтік мәдени үдеріс, симбиоз, орталықазиялық өркениеттілік қауымдастық.

Abstract

The article is devoted to the theoretical and methodological problems of symbiosis of nomadic and agricultural samples determining the phenomenon of Central Asian civilized community

Key words: civilization, social and cultural processes, symbiosis, Central Asian civilized community.

Центральноазиатский регион, вне зависимости от геополитических и геокультурных интересов тех или иных современных глобальных сил, во все времена находилась в фокусе мировой общественности. Свидетельством тому служат продолжающиеся по сей день различного рода дискуссии касательно терминов: будь то «Средняя Азия», принятое со времен Гумбольдта или же «Центральная Азия» в постсоветский период, а также постепенное внедряемое в научный оборот особенно в последнее время понятия «Центральная Евразия» и «Большая Центральная Азия».

Тогда как на самом деле, нет сомнения в том, что Центральная Азия представляет собой уникальный по сути цивилизационный ареал, восходящий в географическом и культурном аспектах в большей степени к Востоку. Уникальность данного региона заключаются не только в содержании богатейших сырьевых ресурсов и выгодном стратегическом расположении, а во внутренней природе тесных взаимных переплетений процессов: экогенеза, этногенеза, культурогенеза, политогенеза рассматриваемого цивилизационного пространства, который изначально был предопределен, прежде всего, симбиозом мира кочевников и земледельцев.

Главным знаменателем в определении феномена центральноазиатской цивилизационной общности выступает симбиоз в равной степени самодостаточных, независимых известных во всемирной истории двух типов человеческих обществ, каждое из которых имеет свою логику развития, свою культурную доминанту, собственные ценности, цели и приоритеты. Поэтому, целесообразнее принять данный знаменатель в качестве методологического обоснования полицентризма и многолинейности социально-исторического процесса, идеи параллельного сосуществования и развития различных цивилизационных начал.

Поскольку современная эпистемология истории располагает многочисленными разработками и исследованиями [1] по изучению проблем дипломатических, экономических, межконфессиональных взаимодействий и контактов, а также форм и направлений историко-культурных связей кочевых и оседло-земледельческих народов Центральной Азии, в рамках данной статьи хотелось бы обратить внимание на анализ симбиоза двух оговариваемых хозяйственно-культурных типов в рамках сравнительной теории цивилизаций, предполагающий комплексное изучение своеобразия мировоззрения и системы ценностей духовно-родственных культур в контексте логики общемирового развития человеческих общностей.

Цивилизация утверждает некоторую соразмерность, формирует системность и нормативную срединность, тем самым выполняя и интегрирующую функцию, соединяя воедино различные этнические, социальные и политические аспекты. В частности, в формировании и развитии

центральноазиатской модели таким структурообразующим принципом цивилизации выступает единство различных этнокультурных общностей по “месторазвитию”. Однако уточним, что, рассматривая Центральную Азию в контексте цивилизационной парадигмы, мы подразумеваем не национальную социокультурную общность, обладающую коммуникативным единством и своим историческим опытом, привязанным к истории определенной государственности, а лишь указываем на единство континентально-пространственного фактора, правомерно вычленив данный цивилизационный пояс, на котором происходил процесс взаимовлияния и взаимодействия разнородных культур. Следовательно, подчеркиваем факт сосуществования, толерантности по отношению друг к другу, а не слияния воедино различных человеческих культур. В то же время нельзя упускать из виду то, что всякие рассуждения о симбиозе обозначаемых общностей допустимы здесь лишь с учетом признания стержневого значения процессов исламизации и тюркизации, обусловивших историко-культурную гомогенность центральноазиатского региона.

Анализ внутренней взаимосвязи выделяемых в рамках Центральной Азии антропогеосистем позволяет обозначить не только факт наличия этнической специфики и комплекса этносоциальных и этнокультурных черт каждой из них, но и указывает на причины, в силу которых появляется основа для возникновения данного комплекса. Таким образом, проблема заключается в определении их социальной и культурной первооснов: «Основным принципом всякой цивилизации является поддержание: социальной жизнедеятельности на основе ценностных критериев. Поэтому необходимо выяснить, как же осуществляется такого рода деятельность, т. е. выявить глубинную основу, кроющуюся за жизненными проявлениями и определяющую эволюцию общества» [2, с.114].

В науке еще не выработано принципиальных критериев сопоставления столь различных типов обществ, до сегодняшних дней при их сравнении исследователи, оперируя в основном социально-экономическими категориями, применимыми для земледельческих обществ, не могут избавиться от взглядов об архаичности и застойности степных кочевников. Однако, исходя из основных объектов исследований теории цивилизаций – человека и общества, и оперируя социокультурными категориями, можно попытаться найти тот универсальный критерий сравнения обозначенных социокультурных систем. Так, при рассмотрении человека, общества и природы в качестве целостной антропогеосистемы [3, с.156] выявляется следующая картина:

исконно евразийские просторы населяли охотники-земледельцы, параллельно сочетавшие эти две формы хозяйственной деятельности. Ученые отмечают две волны существенного изменения климата в данном регионе: “Если первый приступ засухи застал в Евразии человек-охотник, то вторую волну встретили уже оседлый земледelec и скотовод” [4, с.184]. В результате преодоления вызова степи, часть евразийцев-земледельцев в поисках лучших условий существования бросились в скитания, а другая их часть – скотоводы, достойно ответив вызову природы, приспособились к новым условиям жизни. Так зародилась цивилизация кочевников евразийских степей, выработавшая собственный внутренний механизм антропогеосистемы, сущность которой заключалась в гармоничном развитии ее звеньев, коэволюции общества и природы.

Кочевая цивилизация по своей сути натуральна и природна, она не терпит каких-либо революционных преобразований. Именно с ней связана традиция невмешательства в ход природных явлений, сохранение и забота о естественном ландшафте и созерцательное мировосприятие Космоса: «Кочевой народ, принцип жизни которого “все мое ношу с собой”, не может опредмечивать себя ни в городах, ни в храмах, ни в статуях, ни в письменности, ни в удобренной земле... Отсюда уже априори можно сделать важное предположение о мировоззрении кочевых народов: понятие пространства у них должно превалировать над понятием времени... Особой жизненностью, населенностью обладает для кочевого народа “пустая территория”, где вроде ничего нет: киргиз (кочевник. – А. О.) не осягает в степи следов своих предков, но помнит, что они здесь витают, ощущает их присутствие, видит внутренним зрением» [5, с.256–257]. Казалось, даже тривиальный на первый взгляд характер межсезонных перекочевок, утилизация растительного мира степи организованы здесь с учетом баланса с эко-природной средой и опеки над ней. Как видим, озадаченному заботой не только о себе, о своих близких и родных, а также о незыблемости окружающего мира, кочевнику-«виртуозу» (по Тойнби), посредством большого «ума и воли», смены пастбищ, соблюдения очередности выпаса видового состава, разнообразия видов перекочевок удалось заложить основу самобытному социокультурному организму.

Исконная характерность именно для евразийских кочевников – всадничества, преобладающая содержание в социогенотипе черт: воинственности, мобильности, динамизма, импульсивности объясняет суть ряда рассуждений зарубежных исследователей о том, что: «Там, где возникает гладкое пространство, где оно растет и ширится во всех направлениях, там появляется и кочевник. Он срастается с этим пространством и сам его расширяет: кочевник порождает пустыню в той же степени, в какой порожден ею» [6, с.187].

Так, согласно мнению автора данного высказывания, известного французского исследователя Жиль Делеза, по сравнению с земледельцем кочевник владеет абсолютным движением или скоростью, поскольку: «...хотя маршрут кочевника может проходить по обычным дорогам, это не та дорога, которую знают оседлые народы. Та дорога делит пространство, предоставляя каждому определенную часть этого пространства и обеспечивая связь частей. Маршрут кочевника – полная противоположность дороги. Он делит людей в открытом пространстве – неочерченном и несвязном» [7, с.186].

Земледельческие же цивилизации были связаны с долинами рек и могли существовать только в жестких пространственных рамках. Для них основополагающую роль играло четкое согласование своей деятельности с естественными природными циклами. Поэтому не случайно, что добившись определенного уровня благосостояния, они в качестве высшей ценности принимали собственную цивилизацию со свойственными именно ей сохранением правил общежития, ритмами, традициями и верованиями.

В противовес кочевой цивилизации, здесь мы можем наблюдать резкий контраст человеческой деятельности и естественной среды. Ориентированный прежде всего на Порядок, преодоление хаоса, земледelec пытается усилить бытийность мира, возделывать его, как сад, как поле. Уподобляясь Богу-Творцу, который созидает из добытийного хаоса первоматерии оформленные “вещи”, он старательно направляет свои действия в сторону преобразования пространства, что выражается не только в занятии аграрным хозяйством, а также сочетанием вместе с ним градостроительства, т. е. в этих случаях речь идет о классических “культурах, связанных с городами”. То, что земледельческие цивилизации характеризуются высочайшим уровнем развития ремесел и промышленности – ни у кого не вызывает сомнений. Земледельцы возделывали землю, как планету, организуя ее простор в грандиозные империи, противопоставляя их тем самым хаотическому, по их восприятию, миру кочевников.

Таким образом, мы представляем характеристику ментальности социумов, почитавших разные образы жизни: черты земледельца, ассоциирующегося, прежде всего, с материальной стороной: индивидуализмом, рационализмом, утилитарностью, привычностью к комфорту, порядку и т. д. и черты кочевника, отличающегося от первого приверженностью к духовным ценностям, таким как синкретизм, единение с природой, инерционность и стереотипизированность.

Выявление подобных социально-психологических сомножителей служит доказательством взаимодополняемости и взаимодействия, симбиозности центральноазиатского цивилизационного начала. Доподлинно известный факт объединения обозначаемых хозяйственных коллективов в рамках регионального товарообмена, демографического обмена (о которых упоминал Ибн Халдун), а также обменов услугами, благами, информацией не требует каких-либо доказательств. При этом мы не должны упускать из виду, что такой характер взаимоотношений предполагал помимо обоюдных экономических интересов, также существование подсознательных взаимных притяжений и симпатий, «комплиментарности» (по Гумилеву). Лишь один пример выработки оригинальных единиц взаиморасчета между вынужденно разделявшими одну экологическую нишу земледельцами и кочевниками вызывает чувство приязни: «во всех подобных вариантах сосуществования это чувство чаще всего выражается в том, что кочевники пасут скот на полях, с которых уже собран урожай. Иногда они платят земледельцам за пользование жнивьем, иногда – сами получают плату за навоз, который удобряет поля» [8, с.108].

Известный нomaдолог Н. Крадин, по характеру отношений, существовавших между номадной и земледельческой подсистемами, выделяет три типа кочевых империй:

- в первом случае кочевники и земледельцы не составляли единой взаимосвязанной экономической системы и единого политического организма;
- во втором типе кочевники и земледельцы составляли единый политический организм, однако между их экономическими системами отсутствовала тесная связь;
- империи третьего типа создавались после завоевания номадами земледельческих

обществ, на их территории. Соответственно кочевое ядро и земледельческо-городское население входили в состав одного социального организма [9, с.175].

Все три указываемые типа империй имеют свое отражение на исторической судьбе народов Центральной Азии. Вместе с тем, несмотря на их глубокий отпечаток натисков чужеродных культур, одним из значительных составляющих элементов цивилизационной целостности Центральной Азии выступает все же тип государственности, выработавший собственную историю и традиции политической жизни: «История государственности Центральной Азии на протяжении всей своей эволюции знала периоды расцвета и подъема: древний Большой Хорезм, государство Кангюй, древнеферганское государство Давань, Тюркский каганат, империя Амира Тимура и другие. Знала она периоды упадка и регресса, господства иноземной государственности, при которой все же оставались и субстрактная основа, и корневой стержень, служившие базой для дальнейшего развития цивилизации» [10].

Как видим, имеющиеся на сегодня все без исключения «цивилизации» – по внешним, материально-техническим параметрам, являются «социокультурными организмами» – по внутренним признакам. Вкупе они составляют «носителей» прасимвола, стиля, ментальности, кода и т. п. набора ценностей определенных культур, и представляют собой лишь зазеркальное отражение прежних традиций-цивилизаций. Следовательно, обозначенный феномен центральноазиатской цивилизационной общности, с которой идентифицирует себя нынешнее поколение их носителей служит ключом к пониманию сути актуального для Человечества во все времена идеи «единство в многообразии».

Подытоживая вышерассмотренные аспекты центральноазиатской модели в контексте теории цивилизаций, хотелось отметить то, что по существу, цивилизационный пласт данного ареала представлен «соположением» (по Л. Сеа) [11], сосуществованием культурных элементов различного происхождения, двух определенных хозяйственно-экономических типов, слитых воедино фундаментальными основами пространственного и культурного мироустройства, которые и породили в общей сложности понятие «центральноазиатский мир».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – А.-А.: Наука, 1989; Развитие межэтнических отношений в новых независимых государствах Центральной Азии. – Бишкек: Илим, 1995; Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. – Алматы: Издание Института философии МН АН РК, 1997; Культура кочевников на рубеже XIX–XX, XX–XXI вв.: Проблемы генезиса и трансформации: Мат. межд. конф. – Алматы, 1995; Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. В 3-х томах. Материалы международной научной конференции. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000; Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. – Алматы: Дайк-пресс, 2000; Кочевая альтернатива социальной эволюции. – Т. 5. – М., 2002; Материалы международной конференции «Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы». – Алматы: Дайк-Пресс, 2004; «К новым стандартам в развитии общественных наук в Центральной Азии»: Материалы Международной научной конференции. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006.
- 2 Callot E. *Civilisation et civilisations: Recherches d'une philosophie de la culture*. – Paris, 1954.
- 3 Мартынов А. И. Два этапа развития степной скотоводческой цивилизации // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. – Т. I. Археология. Этнология. Материалы международной научной конференции. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000. – 367 с.
- 4 Тойнби А. Постигание истории / Пер. с англ. / Сост. Огурцов А. П.; Вступ. ст. Уколовой В. И.; Закл. ст. Рашковского Е. Б. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
- 5 Гачев Г. Ментальности народов мира. – М.: Эксмо, 2003. – 544 с.
- 6 Жиль Делез, Феликс Гварати. «Трактат о номадологии» // Наука и культура. – 1992. – №2. – С.183–187.
- 7 Там же.
- 8 Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. – Алматы: Дайк-пресс, 2000. – 604 с.
- 9 Крадин Н. Н. Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии // Цивилизации. – Вып. 3. – М.: Наука, 1995. – С. 154–179.
- 10 Алимова Д.А. О задачах освещения совместной истории в центральноазиатских исследованиях // «К новым стандартам в развитии общественных наук в Центральной Азии»: Материалы Международной научной конференции. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – С. 22.
- 11 Сеа Л. Философия американской истории. – М.: Прогресс, 1984. – 351 с.